

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА.

Письма къ **Ф. А. Кони** *).

Д. Т. Ленскаго.

1.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ!

Душевно Вамъ благодаренъ за пріятное письмо и за билетъ на полученіе „Пантеона“.

Съ истиннымъ удовольствіемъ принимая предложеніе Ваше участвовать моими посильными трудами на обильномъ полѣ Вашего журнала, крайне сожалѣя, что это лестное для меня вниманіе не было мнѣ объявлено нѣсколькими днями раньше: тогда-бы и мои „Три Невидимки“ были также въ Вашемъ распоряженіи.

Нисколько не удивляюсь, что совершенно безвредное стихотвореніе „Время“, отъ одного имени Беранжэ, въ наше время не могло быть дозволеннымъ; тѣмъ не менѣе благодарю Васъ за желаніе его помѣстить на страницахъ Вашего изданія.

Тщетно старался я угадать, о какой комедіи „Теща и Зять“ Вы мнѣ пишете. Есть у меня комедія „Война съ тещею“... но ужъ она давно напечатана... Не хотите ли Вы сказать о моемъ водевилѣ „Зятюшка“? Кажется однакожь и онъ напечатанъ... Впрочемъ не помню хорошенько... Я справлюсь и Васъ увѣдомлю...

М. С. Щепкинъ говорилъ мнѣ, что у него есть переводъ комедіи Плавта „Скупой“. Онъ Вамъ его предлагаетъ... Чтò отвѣчать прикажете?...

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909, III, 241.

Репертуаръ нашей сцены безпрестанно пестритъ режиссерскими продѣлками... и не мудрено: своя рубашка къ тѣлу ближе. Жаль только, что это переходитъ за границы, смахиваетъ даже на монополию, и многія дѣльные пьесы заставляеть спать сномъ непробуднымъ на полкахъ театральной библіотеки.

Съ истиннымъ уваженіемъ и всегдашнею готовностію Вамъ служить имѣю честь быть. Вашъ покорнѣйшій

Дм. Ланской.

Москва. 25-го Февраля 1850.

2.

Москва. 13-го Іюня 1850.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Сейчасъ лишь почталіонъ подалъ мнѣ Ваше письмо отъ 2-го с. м. Спѣшу воспользоваться прискорбнымъ для меня отъѣздомъ добраго и даровитаго моего товарища А. А. Мартынова, чтобы поблагодарить Васъ за особенное вниманіе къ моимъ трудамъ многогрѣшнымъ. Всегда и съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ я пересылать къ Вамъ въ „Пантеонъ“ все, что только придется мнѣ написать для сцены; а теперь прошу Васъ, какъ о большомъ одолженіи: изъ пяти отданныхъ Вамъ мною піесъ уступите мнѣ обратно одну: „Радъ не радъ, а дѣлать нечего“! П. Н. Араповъ издаетъ что-то въ родѣ драматическаго альманаха съ портретами нѣкоторыхъ изъ нашихъ Московскихъ артистовъ и въ полной надеждѣ получить отъ меня посильную лепту, а у меня ровно нѣтъ ничего въ готовности. Въмѣсто этой маленькой и ничтожной піески я постараюсь доставить Вамъ къ осени что-нибудь подѣльнѣе и позанимательнѣе, тѣмъ болѣе, что вѣдь я долженъ-же буду позаботиться о своемъ бенефисѣ. Я совершенно увѣренъ, что Вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ и не замедлите удостоить удовлетворительнымъ отвѣтомъ; иначе, право, я поставленъ буду въ довольно затруднительное положеніе предъ уважаемымъ мною водевильнымъ ветераномъ, издателемъ альманаха!...

Посланныя къ Вамъ рукописи моихъ піесъ „Жертва Мщенія“ и „Два брата съ Арбата“ всѣ были мною пересмотрѣны—и меня удивляетъ, какимъ-же это образомъ могли тамъ очутиться такія ошибки, о которыхъ Вы говорите? Впрочемъ на предбудущее время я стану высылать Вамъ всегда мои черновыя, которыя до сихъ поръ всегда отдавались въ театральную библіотеку.

Да наградить Васъ Аллахъ за прекрасное и благородное намѣреніе составить біографію незабвеннаго Ѳ. Ѳ. Кокочкина, который такъ много

способствовалъ развитію Русскихъ сценическихъ дарованій!... Вы говорите, что онъ меня любилъ и поощрялъ; а кого-же изъ насъ во время оно не любилъ и не поощрялъ этотъ истинный покровитель прекраснаго искусства!... При одномъ воспоминаніи объ этомъ отцѣ-директорѣ сердце наполняется неизъяснимымъ чувствомъ благодарности—и тоски о минувшихъ надеждахъ *).

Нѣтъ у меня этихъ стиховъ, которые когда-то я написалъ въ день рожденія его дочери!... Къ несчастію, нѣтъ у меня ничего изъ всего написаннаго мною въ дни моей юности!... Конечно, много-бы тутъ нашлось такого, надъ чѣмъ-бы я теперь посмѣялся, а можетъ-быть и такого, надъ чѣмъ-бы заплакалъ и позадумался...

„Мечты, мечты!
„Гдѣ ваша сладость?
„Гдѣ ты, гдѣ ты,
„Былая радость?...“

Сегодня же снесу Вашъ поклонъ М. Д. Синецкой и доставлю Вамъ Писарева стихи къ Бедринскому озеру, если только они у ней найдутся.

Прощайте, будьте здоровы, и отвѣчайте мнѣ. Все, что только припомню изъ жизни Ѳедора Ѳедоровича, сообщу Вамъ.

Примите увѣреніе въ совершенной преданности готоваго къ Вашимъ услугамъ. Дм. Ленскаго.

3.

Милостивый Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Слѣдующія мнѣ по договору за напечатанную у Васъ въ журналѣ піесу мою „*Волій ротъ, лисій хвостъ*“ деньги, двадцать рублей серебромъ, а равно и особо оттиснутые для меня экземпляры упомянутой піесы, и еще другой, прежде напечатанной „*Радъ не радъ, а дѣлать нечего*“—я получилъ и приношу Вамъ мою благодарность. Извините, если увѣдомляю Васъ объ этомъ немножко поздно. Два обстоятельства тому причиною. Первое: повѣстка съ почты залежалась въ театральной

*) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ род. 1777 году, скончался въ 1838-мъ. Съ 1823 года онъ восемь лѣтъ былъ директоромъ Московскаго театра. Очеркъ его жизни, написанный В. И. Ситовымъ, помѣщенъ въ Русскомъ Біографическомъ словарѣ. Онъ выдвинулся въ люди, благодаря женитьбѣ на В. И. Архаровой, родители которой имѣли вѣсь при дворѣ и въ обществѣ. Къ числу молодыхъ людей, которые были ему обязаны своимъ благополучіемъ, принадлежалъ Н. Ф. Павловъ, занимавшій у него сначала должность слуги (слышано отъ О. С. Аксаковой) П. Б.

конторѣ; второе: всѣ эти дни я занятъ былъ и по службѣ, и спѣшною работою къ бенефису М. С. Щепкина. Я перевелъ ему,—съ нѣкоторыми передѣлками, разумѣется,—премиленскую оперетку въ 1 дѣйствіи „Le moulin Joli“ и назвалъ ее: „Учитель и мельничиха, воспитаніе и природа“. Забавное содержаніе и граціозная музыка молодого Парижскаго композитора Варнея обѣщаютъ піескѣ успѣха; а впрочемъ все будетъ зависѣть отъ исполненія. Вотъ, на примѣръ, и Вашъ прелестный водевильчикъ: „*Всякій шутъ Иванъ Ивановичъ*“ ужь конечно имѣлъ-бы у насъ не такую участь, если-бы попался въ руки первостепеннымъ артистамъ, Щепкину или Живокини, А. Т. Сабуровой; а то потрудитесь взглянуть на афишу: кто въ немъ игралъ?... Г. Соколовъ, Г-жа Акимова съ товарищи... Конечно, я не отвергаю въ нихъ дарованія, да публика-то не хочетъ ихъ видѣть, когда знаетъ, что есть ихъ гораздо лучше.

Новостей замѣчательныхъ у Васъ мало, а у насъ и совсѣмъ не бывало. Репетируютъ теперь пріобрѣтенную дирекціею за четыре тысячи рублей ассигнац. комедію въ 4 д. въ стихахъ, М. Н. Загопкина, подъ названіемъ „*Женатый женихъ*“. Я не играю въ ней, и не читалъ, и не слыхалъ ея; а говорятъ артисты, что плакали денежки... Тарновскій и Рудневъ перевели для прошедшаго моего бенефиса очень игривенькій водевильчикъ (La petite cousine) „Пансіонерка“. Въ немъ въ первый разъ, въ роли кузины, появилась на Русской сценѣ молоденькая Французская артистка M-lle Clara Voytôt—и привела всѣхъ въ восхищеніе; *Шумскій* также былъ очарователенъ въ смѣшномъ волокитѣ Риго: вообще водевильчикъ очень нравится, и мы играли 4 раза съ полнымъ успѣхомъ, хотя и въ далеко не полномъ театрѣ, потому что наши литературные фабриканты-режиссеры, изъ благороднаго соревнованія, постарались помѣстить его въ репертуаръ или въ то время какъ на Большомъ театрѣ давали второе представленіе „Эсмеральды“ съ Фанни-Эльснеръ, или наканунѣ Николина дня и т. д. И со всѣми чужими піесами они такъ поступаютъ. Если эта режиссерская монополія у насъ еще продолжится, то рѣшительно никто для нашей сцены писать не захочетъ.

Угодно Вамъ будетъ—я Тарновскому предложу прислать Вамъ „Пансіонерку“. Онъ деньгами не очень интересуется, и вѣроятно будетъ доволенъ, если Вы доставите ему нѣсколько отисковъ піесы. Кстати: онъ проситъ Васъ объ экземплярахъ помѣщенной Вами въ Пантеонъ его піесы: „*Слѣпой курицы все пшеница*“. Сегодня говорилъ онъ мнѣ, чтобъ я написалъ Вамъ объ этомъ.

Очень жаль, что неумѣстныя придирки Вашей цензуры искажаютъ до такой степени труды драматическихъ писателей. Кто-же изъ насъ, понимающихъ сцену и ея приличія, позволить себѣ написать то, что не можетъ быть допущено?.. А между тѣмъ и самыя невинныя выходы, дозволенныя въ представленіи, Богъ знаетъ почему, уничтожаются у васъ въ печати.

На дняхъ я вышлю Вамъ мою черновую рукопись оперетки „Учитель и мельничиха“; а теперь съ нея роли выписываютъ.

Желаю Вамъ всего лучшаго, имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Дм. Ленской.

Москва, 9-го Декабря 1850.

Р. с. Комедія моя „Война съ тещею“ была уже напечатана въ „Репертуарѣ“ покойнымъ В. С. Межевичемъ.

Отвѣчалъ 20 Декабря 1850.

Москва, 9-го Марта 1850.

4.

Милостивый Государь Федоръ Алексѣевичъ!

Душевно благодарю Васъ за Вашъ прелестный подарокъ. Вчера только получилъ я первую книжку „Пантеона“. Онъ, просто, поразилъ меня своимъ изяществомъ и роскошью приложений!.. Дай Богъ Вамъ тысячи подписчиковъ: Вы въ полной мѣрѣ заслуживаете это,—и по знанію дѣла, и по добросовѣстности, весьма рѣдкой въ нашъ меркантильный вѣкъ. Комедія „Гдѣ медь, тамъ и мухи“ мнѣ очень понравилась.. Конечно, есть въ ней кой-какія невѣроятности.. но за то сколько жизни, дѣйствія!.. Какъ ловко очерчены характеры!.. Ну, можно ли ставить съ нею на ряду комедію „Бѣдная Невѣста“, помещенную въ „Москвитянинѣ“ и заранѣе прославленную прихожанами почтеннаго журнала? Дня три тому назадъ я прочелъ ее, и признаюсь: чуть-чуть мнѣ дурно не сдѣлалось!.. Чтѣ за люди! чтѣ за языкъ!.. Развѣ только въ кабакахъ, да неблагопристойныхъ домахъ, такъ говорить и дѣйствуютъ!.. Героиня пьесы, вмѣсто участія, возбуждаетъ одно омерзѣніе; ея любовь къ презрѣнному *Меричу* и его трактирное, неповольтельное съ нею обращеніе, сейчасъ изобличаетъ въ ней, или дуру набитую, или ужъ дѣвку развратную... А ея любезная *маменька*, которая безпрестанно твердитъ, что она женщина слабая, *сырая*, и что *какъ это ей безъ мужчины?*.. А этотъ бывший студентъ *Хорьковъ*, отвергнутый любовникъ, который съ горя напился какъ стелька и явился

на свадьбу своей Дульциней прямо изъ полпивной—и Дульциней еще говорить ему: „Ахъ, бѣдненькій! Миѣ васъ жаль!.. Я не знала, что вы меня такъ любите!“... И наконецъ эта *сволочь* въ чуйкахъ, армякахъ и ситцовыхъ юбкахъ, которая толпится въ дверяхъ гостиной у невѣсты и отпускаетъ извоицкія остроты и прибаутки... Тьфу! Какая гадость!.. Другіе, можетъ-быть, скажутъ миѣ: „Да развѣ въ натурѣ этого не бываетъ?“ Мало-ли что мы видимъ въ натурѣ; нельзя однакоже все это на театрѣ представлять: сцена вѣдь не площадной рынокъ, или не задній дворъ, гдѣ и навозъ валяютъ и помои выливаютъ... Охъ, ужъ эти юные геніи, каррикатурные подражатели великаго мастера Гоголя!.. Когда наконецъ они убѣдятся, что не у всякаго золото блеститъ и на грязи, и что имъ до своего образца, какъ до звѣзды небесной далеко!.. Охъ, ужъ эти журнальные борзописцы, хвалители, литературные компаньоны-пріятели!.. Когда наконецъ постыдятся они морочить публику и составлять рецензіи противъ здраваго смысла и собственнаго убѣжденія!.. И Вы еще упрекаете меня, Федоръ Алексѣевичъ, за то, что я ужъ ничего для театра не пишу... Да какъ тутъ писать послѣ этого?.. Чѣмъ угодить современному вкусу, который Шаховскаго „Пустодомовъ“ смотрѣть не хочетъ, а между тѣмъ восхищается „Житейскою Школою, да Бѣлою Камеліей“ и тому подобными произведеніями?.. Пріѣздъ сюда къ намъ въ Москву въ высшей степени даровитой актрисы В. В. Самойловой заставилъ меня горько задуматься о нынѣшнемъ взглядѣ на драматическую литературу и сценическое искусство: эта олицетворенная грація во все время своего здѣсь пребыванія не сыграла ни одной роли, достойной дивнаго ея таланта,—исключая развѣ роль Софьи въ „Горь отъ ума“. А кажется, можно-бы выбрать и еще что-нибудь дѣльное для ея репертуара... Напримѣръ „Цѣль“, „Клевета“, „Пустодомы“, „Липецкія воды“, „Какаду“, „Аристофанъ“ и другія.

Что-то у Васъ теперь въ театрѣ подѣльвается?.. А у насъ отъ концертовъ просто голова закружилась: каждый день по-два, да по-три... и все большею частію скрипачи... Венявскіе, Неруды, Вьѣтанъ, Контскій... О Вьѣтанѣ говорить нечего: это виртуозъ и композиторъ *hors de ligne* чѣмъ называется; но и Вильма Неруда удивительна! Сколько души!.. И при томъ какая легкость и смѣлость въ исполненіи даже самыхъ труднѣйшихъ пассажей!.. Это, просто, необыкновенное явленіе въ природѣ!.. Контскій только что пріѣхалъ и на дняхъ дастъ первый свой концертъ... Послушаемъ!..

*) Происходя изъ купечества, Д. Т. Ленскій могъ не любить Островскаго, изображавшаго въ темныхъ краскахъ Московскій купеческій бытъ. П. Б.

Повторяю Вамъ еще мою сердечную признательность за присылку щегольскаго Вашего „Пантеона“; не знаю только, къ кому изъ Вашихъ коммисіонеровъ долженъ я обращаться за книжками: къ Базунову-ли, какъ прежде, или къ Ратькову?.. Марья Дмитріевна Синедкая сначала увѣрила меня, что къ Ратькову, — и я раза три заходилъ къ тому, но все по напрасну; да ужъ третьяго дня случайно отъ старушки Е. М. Кавалеровой узнаю, что моя книжка ужъ двѣ недѣли дожидается меня у Базунова: вотъ почему я и опоздалъ отвѣчать Вамъ на Ваше обязательное вниманіе... Простите... Безъ вины виновать!..

Либретто моего „Громобоя“ цензура наконецъ пропустила; когда у А. Н. Верстовскаго музыка будетъ окончательно готова, и Вы благоразсудите эту лирическую драму мою помѣстить въ „Пантеонъ“, то я немедленно Вамъ ее вышлю. Въ нынѣшнемъ году, если Богъ дастъ, я намѣренъ написать комедію въ пяти актахъ, для которой планъ у меня ужъ давно готовъ...

Будьте здоровы, пользуйтесь заслуженными успѣхами и поклонитесь отъ меня Вашей доброй и умной подругѣ. Весь Вашъ Ленскій.

О К а р а т ы г и н ѣ.

Великій трагикъ нашъ, рожденный великаномъ,
Первопрестольный градъ тобою восхищенъ,
Уѣхалъ ты отъ насъ съ наполненнымъ карманомъ,
Увѣнчанъ славою и клубомъ угощенъ.

Но для чего, скажи, за это угощенье
Амфитріоновъ ты безжалостно надулъ:
Хотѣлъ доставить ты еще имъ наслажденье
Игрою въ Скопинѣ и въ Питеръ улизнулъ.

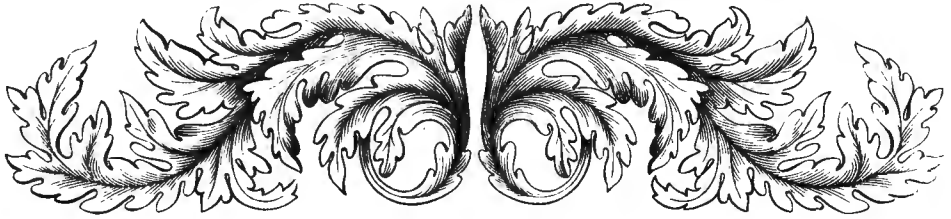
О! если бы ты зналъ, актеръ первостепенный,
Чего лишился ты? О! горьки слезы лей!
Тебѣ готовили здѣсь кубокъ драгоцѣнный,
Который заплаченъ двѣ тысячи рублей.

Утративъ навсегда подарокъ сей Московскій,
Я знаю, ты умрешь, какъ Гарпагонъ второй,
И верхъ несчастія! Пачкунъ Селивановскій
Почтитъ тебя тогда печатною слезой.

Д. Ленскій *).

*) Какъ истый Москвичъ, Ленскій отдавалъ полное предпочтеніе Московскому трагикъ Мочалову передъ Петербургскимъ Каратыгинымъ. П. Б.

Б. И. ОРДЫНСКІЙ *).

1.

Милостивый Государь!

Обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Не угодно-ли вамъ будетъ помѣстить въ вашемъ журналѣ перевода Аристофановыхъ комедій. Я много занимался Аристофаномъ; много у меня переведено отрывковъ изъ комедій его. Одна комедія (по хронологическому порядку первая) Акарняне переведена вся. Переводомъ Аристофана занимался я съ большой любовью. Нѣкоторыя мѣста переводилъ по нѣскольку разъ. Переводъ мой въ прозѣ. Теперь позвольте сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о самомъ себѣ, чтобы вы знали, можете ли ожидать чего нибудь путнаго отъ меня, или нѣтъ. Я въ 1844 г. кончилъ курсъ въ Слов. Отд. Моск. Унив. Прошлаго года выдержалъ магистерскій экзаменъ. Такъ какъ я былъ въ Университетѣ казеннымъ студентомъ, то посланъ былъ учителемъ Греч. языка въ Ярославль. Теперь учу тому же языку въ здѣшней 3-й гимназіи. Вотъ вамъ мой формулярный списокъ. Еще прибавлю: другой годъ помѣщаю въ От. Зап. рецензіи на Греческія и Латинскія книги.

Если вамъ угодно мое предложеніе, напишите ко мнѣ (адресъ мой—Его Бл. Борису Ивановичу Ордынскому, въ *Правленіе Университета*), какія ваши условія. Тогда я пошлю къ вамъ Акарнянъ. При переводѣ будутъ краткія примѣчанія.

Честъ имѣю быть Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга.

Б. Ордынскій.

Г. Москва. 1848 года. Іюня 1 дня.

*) Борисъ Ивановичъ Ордынскій, профессоръ Греческой и Римской словесности, род. въ 1823 году и скончался въ 1861-мъ. Онъ посвятилъ недолгую жизнь свою ознакомленію Русскаго общества съ красотами классической словесности. П. Б.

2.

Милостивый Государь!

Мнѣ досадно, что по разнымъ обстоятельствамъ не собрался отвѣтить на ваше письмо тотчасъ по полученіи его. Я почти относительно всего, что вы мнѣ пишете, съ вами согласенъ: почти такъ, какъ и вы, думалъ и думаю объ ознакомленіи Русской публики съ чѣмъ бы то ни было не современнымъ (точнѣе,—не ефемернымъ), какъ бы ни было несовременное высоко, изящно. Отчасти я даже иду дальше вашего: думаю, что сказанное вами объ Аристофанѣ примѣняется и къ Шекспиру, даже къ Гёте. Но это другой вопросъ. Ближе къ дѣлу. Я предложилъ вамъ свой переводъ Аристофана единственно потому только, что въ *вашемъ журналѣ* (не припомню во время ли вашей редакціи) *помѣщены были „Облака“ Аристофана.*

Готовъ у меня переводъ Акарнянъ, первой по хронологич. порядку изъ 2 комедій Аристофана. Посылаю вамъ для образца отрывокъ. Мнѣ кажется, что по этому отрывку вы можете составить понятіе о моемъ переводѣ; а чтобъ познакомиться съ самою комедіею, для этого можете прочесть ее въ Нѣмецкомъ переводѣ (Дройзена) или во Французскомъ (не помню, чей-то былъ въ *édition Charpentier*). Всей комедіи въ моемъ переводѣ не посылаю къ вамъ, потому что мнѣ нужно ее пересмотрѣть, переписать: на это потребовалось бы недѣлю времени, а вы пожалуй и не напечатали бы. Притомъ у меня относительно Аристофана вотъ какой планъ. Мнѣ бы хотѣлось три-четыре лучшія и занимательнѣйшія комедіи перевести вполне, прочія сокращенно: перевести нѣсколько лучшихъ сценъ или мѣстъ, а сцены, которыя или разчитаны на сценическомъ эффектѣ, или неудобопонятны для большинства публики,—сократить и рассказать. Передъ комедіями и даже, гдѣ нужно, между отдѣльными сценами, были бы нужны поясненія. Все это умѣстилось бы, мнѣ кажется, листахъ печ. на 10, т. е. составило бы 5—6 статей въ 1½-2 листа.

Потрудитесь извѣстить меня, угодно ли вамъ помѣстить только однихъ Акарнянъ, или и прочія комедіи Аристофана въ такомъ планѣ, какой я вамъ представилъ. Извѣстите вмѣстѣ и объ вашихъ условіяхъ: самъ я тутъ опредѣлительнаго сказать ничего не могу. Конечно, за переводъ Аристофана, какой бы онъ ни былъ, у насъ въ Россіи нельзя ожидать большой платы. Если мы съ вами сойдемся, черезъ недѣлю получите мою статью.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою,

Б. Ордынскій.

Адресъ мой писалъ я вамъ: въ Правленіе Университета.
1848 года Іюля 1 дня г. Москва.

Приложеніе.

Дикеопомисъ (т. е. правдивый гражданинъ), лице, высказывающее мысли самаго Ар., говоритъ передъ народомъ Аф. рѣчь о Пелопонезскомъ войскѣ: „не осудите, господа зрители, что я, бѣднякъ, рѣшаюсь среди Аѳинянъ говорить о Государствѣ, еще въ трагедіи! (т. е. комедіи: такъ называется часто Ар. комедію). Но вѣдь правду-то и трагедія знаетъ. Я скажу кое-что жесткое, но справедливое. Теперь не оклеветать меня Клеонъ, что-де въ присутствіи иноземцевъ поношу Государство. Мы одни: теперь праздникъ Ленеискій (предыдущая комедія Ар. поставлена была въ такое время, когда въ Аѳинахъ было много иноземцевъ. Потому Клеонъ жестоко нападалъ на Ар. за то, что онъ выставялъ злоупотребленія Аѳ. правительства въ присутствіи иноземцевъ). Иноземцевъ нѣтъ: нѣтъ данниковъ, нѣтъ союзниковъ. Мы одни, — словно мукѣ просѣянная, метиковъ (т. е. иноземцевъ, поселившихся въ Аѳ.) называю мякиною Государства. „Я ненавижу Лакедемонянъ сильно! Чтобъ завалилъ ихъ всѣхъ ихними же домами Посидонъ Тенарскій! Вѣдь и у меня вырублены виноградники. Но... (охлаждается) все свои кругомъ... зачѣмъ намъ обвинять въ этомъ Лекедемонянъ! Наши же,—не Государство, помните не Государство, а людишки, подлые, заклеянные позоромъ, безчестные, и лживые, и полуварвары, наши же наядбедничали на Мегарцовъ, стали теребить ихъ плащи. Завидять бывало гдѣ смокву, поросенка, зайчика, луковицу, крохи сала, и тотчасъ у нихъ все Мегарское, и на тотъ же день продавалось. Но это пустое, домашнее дѣло. Но вотъ пьяная, разгульная молодежь украла изъ Мегары непотребную Симею. Озлобленные Мегарцы украли за нее двухъ прелестницъ Аспазіи. Отсюда—начало войны у всѣхъ Еллиновъ, изъ за трехъ прелестницъ. Перикль Олимпіецъ заблесталъ въ гнѣвъ молніею, грянулъ громомъ, взбунтовалъ всю Елладу. Издалъ законы, словно сколіи (сколіи—застольныя пѣсни; одна изъ нихъ, очень употребительная, походила по формѣ на Перикловъ законъ): нельзя Мегарцамъ оставаться ни на площади, ни на морѣ, ни на сушѣ. Тогда порядкомъ проголодавшіеся Мегарцы попросили Лакедемонянъ, чтобы отмѣнилось опредѣленіе, изданное изъ за блудницъ. Насъ просили не

разъ, мы не захотѣли. И вотъ откуда стукъ щитовъ! Скажетъ кто-нибудь: не должно было. А что же должно было, скажите! Ну, если бы кто изъ Лакедемонянъ укралъ у Серифянъ щенка и продалъ: сидѣли бы вы дома? Куда! Скорехонько спустили бы корабли, весь бы городъ наполнился шуму воиновъ, криковъ тріерарка; раздавалось бы жалование, золотился бы палладіумъ, стонала бы стѣя, отмѣривался бы провіантъ, скупались бы мѣшки, ремни, кадки, лукъ, оливы, чеснокъ, вѣнки, сардинки; вездѣ флейтисты, вездѣ подбитые глаза. На верѣхи раздавались бы удары весель, стукъ вколачиваемыхъ гвоздей, сверлились бы весельныя дыры; вездѣ флейты, понуканья, свистки. Все бы это у васъ творилось. *А Телморъ, вы думаете, не станетъ?* (пародія Еврипида). Ума у васъ нѣтъ!“

Если вы согласитесь напечатать статью мою, то я напишу крупнѣе и разборчивѣе. Примѣчанія будутъ идти отдѣльно, на примѣръ въ концѣ статьи и будутъ немного подробнѣе.

А вотъ сцена въ другомъ родѣ. Дикеополисъ, передъ тѣмъ, какъ говоритъ ту рѣчь, которую сейчасъ я привелъ, отправляется къ Еврипиду просить нищенскихъ рубищъ и прочихъ принадлежностей жалкихъ калѣкъ-героевъ его трагедій. Костюмъ такой нуженъ Дик. для возбужденія жалости въ жителяхъ.

Дик. Ей, малой, малой! (стучится къ Еврипиду). Слуга. Кто это? Д. Дома Еврипидъ? Сл. И не дома, и дома: самъ понимай. Д. Какъ дома и не дома? Сл. Такъ точно, старикъ! Умъ его не дома: собираетъ стишки. Самъ—дома. На верху творитъ трагедію. Д. О блаженнѣйшій Еврипидъ! Слуга твой такъ ясно отвѣчаетъ! Вызови его. Сл. Нельзя. Д. Все равно! Иначе не уйду: буду въ дверь стучаться. (Стучится). Еврипидъ, Еврипидушка! Послушай, если только когонибудь изъ людей слушалъ. Дикеополисъ зоветъ тебя, Холличъ, я. Евр. (показывается) Недосугъ. Д. Да вели себя высунуть (посредствомъ машинки, которую на Греч. шралъ выдвигали боювъ и пр.). Е. Нельзя. Д. Все равно! Е. Ну, ужъ пусть выдвинуть: сходить недосугъ (выдвигаютъ его). Д. Еврипидъ!... Е. Чтѣ речешь? Д. Ты говоришь на верху, когда можно внизу: не даромъ у тебя въ трагедіяхъ все хромые. (Разматриваетъ одежду Евр.). Да! Къ чему на тебѣ трагическое рубище, одежда скорби! Не даромъ у тебя все нищіе. Умоляю тебя на колѣнахъ, дай мнѣ какуюнибудь ветошку изъ старой драмы. Мнѣ нужно передъ народомъ говорить длинную рѣчь. Плохо скажу: смерть за нее. Евр. Какихъ же тебѣ тряпокъ? Развѣ тѣхъ, въ которыхъ былъ выведенъ Иней, злосчастный старецъ? Д. Нѣтъ; не Инея, а чтѣ понесчастнѣе

еще. *Е.* Ну, слѣпого Финика. *Д.* Нѣтъ не Финика: былъ несчастнѣе Финика. и т. д.

Въ такомъ духѣ идетъ эта сцена еще долго. Вы, конечно, догадываетесь, что въ ней Аристофанъ хочетъ осмѣять обычай Еврипида внѣшностію разстрогивать зрителей. Сцена мастерская, выдержана удивительно. Еще я долженъ прибавить вамъ, что переводъ мой возможно близко къ подлиннику; это, надѣюсь, подтвердитъ вамъ всякій знатокъ Греч. яз., если вы дадите свѣрить ему мой переводъ съ подлинниками. Я Аристофана долго изучалъ. Сдѣлалъ даже кое-что самобытное относительно объясненія и критики текста, что поидеть, можетъ быть, у меня матеріаломъ въ какую нибудь филолог. диссертацию. Аристоф. мой любимый писатель: на него употребилъ я, можетъ быть, всѣ лучшія силы мои.

ГРАФИНЯ Е. П. РОСТОПЧИНА.

1.

Москва, 28 Ноября 1853 г.

Сейчасъ отправила я къ вамъ мою дочь и будущую вашу, то есть, Дочь *Донъ-Жуана*, которую прошу полюбить и пожаловать, и вотъ вамъ, милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ, и прилагательное къ ней, вмѣсто приданого, письмо къ любимой племянницѣ и опытной часто совѣтницѣ министра, а моей старой пріятельницѣ, *m-lle Bering-Тумашевой*. Она живетъ если не у самаго Авраама Сергѣевича, то у родной сестры министра и своей родной матери, княгини Марьи Григорьевны Вяземской (ибо княгиня была два раза замужемъ). Она приметъ благосклонно и дружелюбно всякое ваше ходатайство о моей рукописи. Эта дѣвушка не молодая, очень умная, образованная, старѣе своей тетки Норовой и пользующая общимъ уваженіемъ и довѣріемъ семейства; всѣ они любятъ литературу, занимаются ею серьезно, и на нихъ можно положиться, меня же знаютъ съ давняго времени, и я очень дружна съ нѣкоторыми членами семейства. Скажитесь прямо и просто отъ меня; это будетъ вступленіемъ обѣщающимъ вамъ найти радушнѣйшій пріемъ.—Теперь къ дѣлу, ибо мы оба съ вами люди не праздные: вы занимаетесь, и я только-что изъ деревни и плачу визиты, въ своемъ родѣ каторга стоящая всѣхъ прочихъ! *Романъ не можетъ быть конченъ къ Январю*, ибо кончена только первая часть, а ихъ будетъ навѣрное двѣ, а можетъ статься и три: вещь задумана серьезно, выполняется добросовѣстно, стало быть не въ скороспѣлку какъ коме-

дійки и лирическія бездѣлушки. И такъ, мое-бы мнѣніе и желаніе было, чтобы вы тиснули въ Январской книжкѣ, а потомъ по своему усмотрѣнію приступили бы къ роману; продолженіе (главная завязка и узелъ) вышлю вамъ на дняхъ, прежде кой-кому здѣсь попрочитаю отрывки, чтобъ посовѣтоваться и узнать, удалось-ли мнѣ исполнить задуманное. Если же васъ останавливаетъ какой-нибудь хозяйственный расчетъ, *то прошу васъ не стѣсняться имъ въ разсужденіи меня*; сочтемся, когда вамъ будетъ удобно, а покуда, печатайте на здоровье! Я знаю, что вамъ всѣмъ издающимъ произвело ужасный подрывъ новое постановленіе Почтамта не выдавать журналамъ полной платы за годовую подписку, а раздавать деньги помѣсячно, послѣ выхода номеровъ; съ этимъ распоряженіемъ, конечно, трудно журналу расплачиваться скоро за статьи, и часто они печатаютъ что Богъ пошлетъ, не имѣя средствъ пріобрѣтать то чтò имъ бы хотѣлось. Чтобъ видѣть свои произведенія у васъ, я готова снабжать *Пана Теоньча*, съ условіемъ, что онъ будетъ со мною расплачиваться по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, и теперь выдаю за него свою дочь, не требуя немедленнаго калыма; только я тоже со своей стороны предложу условіе: чтобы рукописи не старѣлись въ картонахъ! Такъ какъ я пишу много лѣтомъ (запоемъ, можно сказать) всегда имѣю въ головѣ и мысли дватри клона на будущее, то мнѣ нужно вѣрить и думать, что новыя произведенія появятся въ свѣтъ свѣжія и едва вылупившіяся изъ своей щелухи; мнѣ нужно знать, что новинка послѣдуетъ за новинкой; иначе мое рвеніе охлаждено, трудъ теряетъ приманку, и я откладываю со дня на день то дѣло, которое-бы кипѣло живо и поспѣло-бы духомъ, если-бы меня подстрекала увѣренность близкаго и скорого напечатанія. Вотъ вамъ полная исповѣдь моя, Ѳедоръ Алексѣевичъ, и потому я очень желаю, чтобы вы скорѣе употребили въ дѣло мои каракульки; по мѣрѣ напечатанія или переписыванія, прошу *возвращать мнѣ оригиналы*: я стала собирать и хранить всѣ рукописи для дѣтей моихъ, которыя просили меня о томъ. Кажется, все сказано; не хочу васъ задерживать, и прощаюсь съ вами, желая вамъ всего добраго и отраднаго, наиболѣе подписчиковъ, наименѣе заботы! Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ и глубокомъ уваженіи, съ которымъ остаюсь преданная вамъ

Графъ. Евдокія Ростопчина.

2.

Москва. 20 Февраля 1851 г.

Сдѣлайте одолженіе, Ѳедоръ Алексѣевичъ, *скорѣе* снять копию съ *дочери Донни-Жуана*, и возвратите мнѣ оригиналъ; хочу его переводить на Французскій языкъ для Рашели, которая просить у меня роли,

а эта ей придется по плечу какъ разъ. Какъ ни безумно покажется вамъ съ моей стороны такое предпріятіе, но оно овладѣло моимъ воображеніемъ, воспламенило мою душу,—и дружба ко мнѣ геніальной женщины заставляетъ меня надѣяться если не совершенно на успѣхъ, то по крайней мѣрѣ на удачу. Я, какъ и вся Москва, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отчаянныхъ Славянофиловъ (переводъ *простодилей!*), я нахожусь совершенно подъ обаянѣемъ неимовѣрной артистки; я видала ее въ Парижѣ, и тамъ высказалась ей, но съ тѣхъ поръ, какъ она выросла, или какъ Русь ее одушевила! Она сильна, страстна, энергична, она еще усовершенствовалась, если это было возможно. А что Норовъ и его протекція? Пригодилась-ли она вамъ? пройдетъ-ли наша Донья?

Сегодня не скажу ничего болѣе, жду *Рашель* къ себѣ, вечеромъ увижу ее въ Гораціяхъ, а завтра два раза, утромъ въ Андромахъ, вечеромъ въ представленіи въ пользу Католическаго попечительства, скажетъ одно дѣйствіе изъ Говеліи и одно изъ *Эсвири*. Можно-ли думать о чемъ нибудь другомъ?...

Это не мѣшаетъ мнѣ, почтенный редакторъ, засвидѣтельствовать вамъ искреннѣйшія *чувствія* вѣрной вамъ сотрудницы, съ коими пребываю къ услугамъ вашимъ

граф. Е. Ростопчина.

Е. П. Гребенка.

Reverendissime Domine.

Посылаю Вамъ начало моей повѣсти *Сеня*. Эта глава называется прологъ, послѣ будетъ штука, а тамъ дастъ Богъ и повершимъ эпилогомъ. Пожалуйста, прикажите ее набрать, а я Вамъ въ продолженіи недѣли и конецъ доставлю. Если Вы ее скорѣе напечатаете, то сдѣлаете мнѣ много пріятностей, ибо я около половины Мая улетаю по своему обычаю въ теплыя страны, а для подобныхъ перелетовъ нужна деньга, ибо не гусь и не утка, а Гребенка, всему же свѣту вѣдомо, что таковая крыльевъ не имѣетъ. Если начнете набирать, то и конецъ напишется, а въ противномъ случаѣ не ждите. Я васъ навѣщу на дняхъ. *Услужите* же пожалуйста! Я Вамъ имѣю много хорошенькихъ стиховъ подарить, да самъ привезу, чтобы имѣть болѣе вѣсу при моемъ посѣщеніи. Я къ вамъ писалъ въ полкъ два письма, исполненныхъ островами и каламбурами, но увы ничего не получилъ въ отвѣтъ кромѣ: *въ полку пить*, отвѣчайте обстоятельнѣй, а не то я Васъ съѣмъ; да просто поймаю на проспектъ и съѣмъ, je vous assure!

Вашъ Е. Гребенка.

К. М а с а л ь с к і й.

Милостивый Государь Федоръ Алексѣевичъ. Вы изъявили желаніе, чтобы я пріѣхалъ къ Вамъ завтра, для окончательнаго переговоровъ о моихъ *Лейтенантъ и Поручикъ*, которыхъ судьба въ мірѣ прозы и дѣятельной жизни и менѣе странна, и замѣчательна, какъ и въ мірѣ поэзіи. Авторское самолюбіе (по праву нашей дружбы и основанной на ней откровенности), пошлемъ въ преисподнюю. Я увѣренъ, что мой новый романъ Вамъ понравится, и что Вы сочтете его за одно изъ лучшихъ моихъ произведеній чѣмъ были прежде мои произведенія, признанныя читающимъ міромъ хорошими и спосными.

Черкните маленькій отвѣтикъ: когда мнѣ завтра къ Вамъ пріѣхать, чтобы не сбылась со мною пословица: „Не въ пору гость хуже татарина“. Я привезу съ собой всю рукопись.

Крайне обяжете меня, если Вы разсудите купить мой романъ, на высказанныхъ мною въ прежнемъ письмѣ условіяхъ, для Вашего журнала, и если приготовите для меня, по моему условію, слѣдующія деньги. Охъ эти деньги! Много ихъ впереди, да теперь-то нѣтъ, а нужно мнѣ для крайней необходимости предпринять путешествіе въ свою деревню дней на пять или на шесть; безъ денегъ же это невозможно. Обяжите меня по дружески и разрушьте эту невозможность.

Надѣюсь, увѣренъ (позвольте сказать), что за Вашу дружескую услугу mon roman vous portera bonheur. Дай Богъ! Отъ души преданный Вамъ К. Масальскій.

6 Октября 1852 г.

Баронъ Е. Розенъ*).

При семъ посылаю вамъ экземпляръ моей Нѣмецкой трагедіи. Если бъ я это сдѣлалъ при появленіи книги, то это имѣло бъ видъ косвенной просьбы о публикаціи въ вашей газетѣ. Теперь же приношеніе мое не допускаетъ никакихъ постороннихъ понятій. Я привыкъ высказывать свои просьбы на пряжки, что и теперь дѣлаю.

Я просто, безъ письма, доставилъ черезъ графиню Віельгорскую книгу мою извѣстному Varnhagen-von—Ense. Вчера получилъ я отъ него письмо, исполненное похвалъ и вѣжливостей, въ которомъ онъ меня проситъ о Русскомъ подлинникѣ. Изъ письма его видно, что онъ долженъ быть порядочный знатокъ Русскаго языка. Желаніе Фарн-

*) Ему принадлежатъ слова въ оперѣ Глинки: „Жизнь за Царя“. П. Б.

гагена побуждаетъ меня прибѣгнуть къ вамъ. У меня растаскали особо отпечатанные экземпляры моей *Дочери Иоанна*, даже второй № Пантеона за прошедшій годъ, гдѣ была помѣщена піеса. Не имѣется ли у васъ, или у Полякова, лишняго экземпляра упомянутаго второга номера Пантеона? Буде есть возможность услужить мнѣ этимъ номеромъ, то былъ бы я вамъ чрезвычайно благодаренъ. Вы, конечно, не откажитесь дать какую либо отвѣдь на мою просьбу.

Я опять перемѣнилъ квартиру, но переѣхалъ недалеко отъ прежней: подлѣ той же *Офицерской* или Знаменской улицы, въ Госпитальномъ переулкѣ, въ домѣ Нелидова, № 21. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Баронъ Е. Розень.

Сего 6 Юня 1841.

Я. И. Невъровъ.

Рига, Августа 1840 г.

Прочтя въ одной изъ книжекъ Пантеона переводъ Гофмановой фантазіи „Донъ Жуанъ“, я вспомнилъ, что когда-то мною переведено было замѣчательное сочиненіе этого автора „Удивительныя страданія директора театра“, въ которомъ Гофманъ, на свой манеръ, высказалъ много важныхъ и любопытныхъ истинъ о драматическомъ искусствѣ. Такъ какъ содержаніе этой статьи совершенно соотвѣтствуетъ цѣли вашего изданія, а за занимательность ея ручается имя автора, то я и посылаю вамъ при семъ, черезъ прикащика г-на Полякова, рукопись. Но къ этому необходимо прибавить вотъ еще что. Переводъ мой сдѣланъ во время-одно, тотчасъ по выходѣ моемъ изъ Университета, слѣдовательно за изящество его я никакъ не могу ручаться; за вѣрность—такъ, но слогъ! Я даже не читалъ моей рукописи, но знаю навѣрное, что теперь перевелъ бы иначе. А по тому покорнѣйше прошу васъ, если вы вздумаете сдѣлать изъ нея употребленіе, то марайте ее какъ хотите; если же переводъ неисправимо дуренъ, то употребите его на растопку вашего камина при приближающейся осени. Для меня онъ рѣшительно не нуженъ; но я думаю, что, почистивъ въ немъ то и другое, онъ можетъ пойти въ дѣло, потому что содержаніе его дѣйствительно достойно вниманія. Самому заняться этой очисткою мнѣ нѣтъ времени; возьмите такъ какъ есть, годится—хорошо, негодится—въ печь безъ дальнѣйшихъ церемоній! Онъ никогда не предназначаемъ былъ для печати, а предпринять отъ нечего дѣлать. Съ истиннымъ почтеніемъ и готовностью быть вамъ, по силѣ, полезнымъ остаюсь

Преданный Вамъ

Я. Невъровъ.

Художникъ Н. А. Степановъ.

1.

Лазаревъ мнѣ сказалъ, что вы желаете имѣть списокъ моихъ статуэтокъ, чтобы помѣстить объ нихъ статью въ Январской книжкѣ „Пантеона“. Принося вамъ искреннюю благодарность за обязательный вызовъ, я спѣшу выполнить ваше требованіе и увѣренъ, что статья, составленная такимъ знатокомъ въ дѣлѣ искусства, какъ вы, удовлетворить и публику и художника. А какъ вы уже оправились совершенно отъ болѣзни, то, пользуясь этимъ случаемъ, я считаю не лишнимъ напомнить вамъ объ обѣщаніи дать мнѣ нѣсколько сеансовъ для статуэтки, а чтобы не затруднять васъ назначеніемъ времени, я считаю долгомъ добавить, что по утрамъ бываю всегда дома отъ 10-ти до половины 1-го часа и что въ первый разъ какъ вамъ вздумается ко мнѣ пожаловать въ промежуткѣ этихъ часовъ, я могу начать вашу статуэтку. Примите увѣренія и пр.

Н. Степановъ.

6 Декабря.

2.

Сколько мнѣ извѣстно, есть только одинъ портретъ Грибоѣдова, который былъ приложенъ изъ его комедіи „Горе отъ ума“; но теперь и этотъ портретъ трудно достать, а въ вашей коллекціи я его видѣлъ; поэтому и обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбою ссудить меня портретомъ этимъ на нѣсколько дней, за что останусь очень благодарнымъ. Портретъ возвращу въ цѣлости и къ нему приложу и бюстъ. Я отправилъ въ вашу контору половину коллекціи моихъ статуэтокъ изъ *parier—mâché*, а другая половина будетъ доставлена къ Воскресенью. Еще кой о чемъ хотѣлось бы поговорить съ вами, да ужъ это при свиданіи. Завтра будетъ двѣ недѣли, что я не выхожу изъ дому: простудился, схватилъ гриппъ и никакъ не могу отъ него отдѣлаться. Прошу передать мое почтеніе Иринѣ Семеновнѣ.

Преданный вамъ Н. Степановъ.

31 Января.

А. Т Ъ е р ѣ.

Paris, le 2 juillet 1847.

Monsieur.

J'ai regretté beaucoup de n'être point à Paris quand vous avez bien voulu vous présenter chez moi, pour me remettre un exemplaire de votre traduction. Je vous y aurais fait l'accueil qui vous est dû, et que je vous devais en particulier, pour le soin que vous avez mis à traduire mon dernier ouvrage historique. Je ne sais point la langue Russe, et je ne puis pas juger par moi-même du mérite de votre traduction; mais je sais par le témoignage de plusieurs de vos compatriots, que j'ai fort à me louer de vous avoir en pour interprète, et je vous remercie d'avoir bien voulu vous charger de l'être.

La nation Russe est une des grandes nations du monde, et je serais heureux si, grâce à vous, je parviens à être favorablement connu d'elle.

Agrérez, monsieur, avec la nouvelle expression de ma gratitude. l'assurance de ma considération la plus distinguée.

A. Thiers, membre de l'Académie Française.

Переводъ.

Я очень сожалѣлъ, что меня не было въ Парижѣ, когда Вы пожелали быть у меня, чтобы передать мнѣ экземпляръ Вашего перевода. Я оказалъ бы Вамъ вниманіе, которое вы заслужили, и которымъ я Вамъ обязанъ въ особенности за трудъ, потраченный на переводъ моей послѣдней исторической работы. Я совсѣмъ не знаю Русскаго языка, и самъ не могу судить о цѣнности Вашего перевода; но я знаю по свидѣтельству многихъ изъ Вашихъ соотечественниковъ, что я долженъ очень гордиться, имѣя Васъ переводчикомъ, и я Васъ благодарю, что Вы пожелали быть имъ. Русская народность—одна изъ величайшихъ въ мірѣ, и я буду счастливъ, если, благодаря Вамъ, буду благосклонно узнать ея. Благоволите еще разъ принять выраженіе моей благодарности и увѣреніе въ отмѣннѣйшей преданности. А. Тьеръ, членъ Парижской Академіи.

